

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ТРУДАХ С. Л. РУБИНШТЕЙНА И ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б. Г. АНАНЬЕВА

Н. А. Логинова

Антропологизм определил общую направленность философии и психологии С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева. Под их влиянием в отечественной науке сформировалась психология жизненного пути личности и – в последнее время – психология человеческого бытия. С. Л. Рубинштейн видел специфику человеческого способа существования в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и сознательной деятельности. По мере развития человека структура личности и содержание его внутренней жизни становятся главной причиной поведения, в то время как внешние причины превращаются в условия, обстоятельства жизненных действий.

Можно считать, что проблема жизненного пути в отечественной научной психологии была впервые обозначена С. Л. Рубинштейном в книге «Основы психологии» (1935 г.), а позже в «Основах общей психологии» (1940, 2-е, переработанное изд. – 1946)^{*}. В полный рост эта проблема вновь встала в последнем его произведении «Человек и мир», в контексте его философской антропологии[†]. Жизненный путь рассматривается здесь как специфическая форма существования человека, субъекта жизни, наделенного сознанием и волей. Личность есть субъект, поскольку она самостоятельна, поскольку берет ответственность за все, что ею сделано и что упущено в жизни. С. Л. Рубинштейн поставил вопрос об историческом времени и пространстве человечес-

^{*} Нельзя не упомянуть первые работы Н. А. Рыбникова о биографиях как источнике научно-психологического познания и соответственно о биографическом методе, начиная с 1917 года. Однако в них не было собственной постановки проблемы жизненного пути.

[†] Первые публикации фрагментов книги осуществлены в 1966 г. в журнале «Вопросы философии» благодаря самоотверженным усилиям его ближайших учеников К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского.

кой жизни и тем самым открыл новую область научно-психологического исследования*.

Борис Герасимович Ананьев, младший современник С. Л. Рубинштейна, по-своему развивал антропологическую линию психологии. Еще в тридцатые годы в процессе характерологических исследований в стенах Института мозга он пришел к убеждению, что характер и жизненный путь являются двумя сторонами индивидуального развития личности. В последующие годы, разрабатывая многие проблемы психологии, он строил собственную теорию человека-индивидуальности и индивидуального развития, в котором переплетаются онтогенез индивида и социально-исторический жизненный путь личности. Более всего ученого интересовала природа психобиосоциальной целостности человека, сочетание объективных закономерностей его развития и сознательной активности в основных формах жизнедеятельности – труде, общении и познании. На проблему целостного индивидуального психического развития были ориентированы и комплексные исследования 1960–1970-х годов под руководством Б. Г. Ананьева. В них были заложены теоретические представления о системной, или многофакторной, детерминации развития человека, диалектики объективных и субъективных детерминант, переплетении онтогенеза и жизненного пути в жизненном цикле индивидуальности.

В основе теории развития Б. Г. Ананьева лежит антропологический принцип в его материалистическом варианте. Антропологический принцип объединяет всех подлинных представителей Петербургской психологической школы, ведущей свою родословную от В. М. Бехтерева, а затем и Б. Г. Ананьева. В этом важнейшем пункте самоопределения в научном сообществе она смыкается с научной школой С. Л. Рубинштейна.

На уровне философии и методологии психологии С. Л. Рубинштейн полагал, что «при объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия» (Рубинштейн, 1973, с. 242). Но каковы конкретно эти внутренние условия? В его трудах находим ответы в общей форме – это история личности, ее опыт, сознание в целом, мировоззренческие чувства, рефлексия, а также мотивы поведения. Особо Рубинштейн выделил внутренние связи в структуре личности.

Более конкретно подходил к вопросу о детерминации психического Б. Г. Ананьев. Под внутренними условиями он понимал прежде всего сложившуюся на жизненном пути гетерогенную и многоуровневую

структуру личности (точнее сказать, индивидуальности). Эта структура содержит собственно личностные (психосоциальные) свойства, но также индивидные (природные). В ней есть как объективные, так и субъективные (психофизиологические, психические и психоидеологические) элементы. Вся эта структура выступает как объективный фактор поведения, деятельности и развития.

Развивающаяся структура личности явилась главным предметом конкретно-научных исследований Б. Г. Ананьева и его учеников. На разных этапах исследований Б. Г. Ананьев сосредоточивался последовательно то на личностных (характерологических), то на индивидных свойствах. В последний период, в комплексных исследованиях, он ставил цель охватить процесс индивидуального психического развития в целом – как сплав природного онтогенеза и социально-исторического жизненного пути, как психобиосоциальную структуру. В итоге многих исследований, выполненных под непосредственным руководством Ананьева, более изученными оказались индивидные свойства и связи между ними.

В школе С. Л. Рубинштейна большее внимание было уделено изучению личностного уровня детерминации – мотивации, высшим формам направленности, сознанию личности. Последователи и ученики Рубинштейна сосредоточились на изучении человека как субъекта социальной жизнедеятельности. К. А. Абульханова создала стройную теорию субъекта жизнедеятельности на жизненном пути и его так называемых жизненных способностей, особенно способностей к регуляции времени жизни (Абульханова, 1991; Абульханова, Березина, 2001; и др). Диалектика свободы и необходимости на жизненном пути раскрывается в конкретных современных исследованиях в области психологии ответственности, жизненного выбора, копинга и т. д.

В школе Б. Г. Ананьева проведено множество конкретных эмпирических исследований по возрастной динамике психофизиологических функций от рождения до старости (Развитие психофизиологических..., 1972, 1977 и др.), интеллекта, интеллектуального потенциала (Интеллектуальный потенциал человека..., 2003), отношения к времени, субъективной картины жизни, объективных и субъективных факторов развития в разных возрастах, профессиональных группах, в разных условиях проживания, воспитания и обучения. Полученные результаты подкрепили и наполнили новыми фактами теорию Ананьева (Онтопсихология, 2003). Однако сама эта теория после кончины ее автора развивалась непропорционально мало по сравнению с эмпирическими наработками. Последователи Ананьева и в этом отношении в долгу перед ним.

Одним из определений личности, по С. Л. Рубинштейну, является то, что это человек, имеющий свою историю. «Процесс жизни человека существует не только как биологический, но и как исторический процесс» (Рубинштейн, 1973, с. 319). С. Л. Рубинштейн выводит жизненный

* Большой прогресс в изучении исторического времени личности был достигнут К. А. Абульхановой и ее сотрудниками (Абульханова, Березина, 2001) и параллельно А. А. Кроником и его сотрудниками (Головаха, Кроник 1984).

путь личности на уровень истории общества: человек решает личные задачи жизни – и вместе с тем исторические, связанные с эпохой, историческим событием, исторической ситуацией. Потому субъект вбирает «общественного человека внутрь частного лица» (там же, с. 346).

Вместе с постановкой проблемы жизненного пути у С.Л. Рубинштейна имеем постановку проблемы человека как субъекта жизни. «Наличие сознания и действия есть фундаментальная характеристика человеческого способа существования в мире» (там же, с. 340). Человек детерминирован особым образом, поскольку он способен к сознательному самоопределению в своих действиях и поступках, в жизни в целом.

В основание современной, на наших глазах складывающейся психологии жизненного пути положены понятия, впервые намеченные С.Л. Рубинштейном. Это «личная жизнь», то есть жизненный путь конкретной личности во всей полноте, включая общественное бытие, а также познавательное, этическое и эстетическое отношение к действительности. Далее, «событие жизни» – судьбоносный факт жизни, так сказать, точка бифуркации на жизненном пути. С.Л. Рубинштейн связывает событие с активностью самой личности, принятием ею жизненного решения.

Несмотря на важность событий для развития, «<...> внешними событиями и теми внутренними изменениями, которые они вызывают, никак не исчерпывается процесс становления и развития личности. Они закладывают лишь основу личности, осуществляют лишь первую, грубую ее формовку; дальнейшая достройка и отделка связана с другой, более сложной, внутренней работой, в которой формируется личность в ее высших появлениях» (Рубинштейн, 1999, с. 637). Внутренняя работа над собой наедине с собой, в диалоге с собственным прошлым, настоящим и будущим, идеалом, воплощенным в образе и слове, – признак высокоразвитой личности. Голос совести звучит в этих внутренних диалогах то более, то менее отчетливо и не дает личности покоя, побуждает менять или, напротив, сохранять вопреки внешнему давлению взгляды, нравственные принципы, жизненную философию, принимать трудное нравственное решение, а затем на практике осуществлять его.

В этом состоит высший, рефлексивный, способ жизни, то есть способность не просто жить и решать конкретные задачи жизнеустройства, а думать о жизни в целом, соотносить ее с историей своего народа и, быть может, человечества и соответственно действовать с оглядкой на них. С рефлексивным способом жизни Сергей Леонидович связывает такое высшее качество человека как мудрость. Мудрость проявляется в умении распознавать подлинно значимое, определять перспективные задачи и цели жизни, «чтобы по-настоящему знать, куда в жизни идти и зачем...» (там же, с. 641).

У зрелой личности в процессах напряженной внутренней работы, размышлений складывается концепция жизни, или личная жизнен-

ная философия. В течение жизни происходит неоднократное ее переосмысление, выработка отношения к ней, включая этап ее естественного завершения. Непреложный факт смерти делает жизнь человека серьезным явлением, вызывает к ответственности за нее. «Факт смерти превращает жизнь человека не только в нечто конечное, но и окончательное. В силу смерти жизнь есть нечто, в чем с известного момента ничего нельзя изменить» (Рубинштейн, 1973, с. 354).

Осознание уникальности своей жизни побуждает личность ставить вопрос: на что потратить ограниченное жизненное время, в чем состоит дело жизни и смысл личного бытия. На этот философский, этический вопрос мы находим ответ у Рубинштейна-философа. Смысл жизни – это «борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия» (там же, с. 349). Высший уровень бытия определен его нравственным содержанием, и потому «смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (там же, с. 385).

Высокая абстракция, свойственная теории С.Л. Рубинштейна, не мешает внимательному читателю обнаружить в ней жизненно важные указания. Сергей Леонидович указывал: чтобы поддержать человека в трудных ситуациях, надо раскрыть ему «все богатство его жизни – этим больше всего можно его укрепить и душевно помочь ему жить полной жизнью в данных условиях» (там же, с. 351). Источником внутренней духовной силы человека являются познание, борьба за истину, а с другой стороны – созерцание, восприимчивость к красоте мира. Чуткость к истине и красоте служит предпосылкой для нравственного отношения к другому человеку, что не редко требует самоотверженности и потому духовной силы.

Основная задача этики, а также, добавим, практической психологии, воспитания – поднятие человека на новый уровень его бытия, где в полной мере становятся значимыми высшие ценности – истина, красота, добро. На этом уровне достигается максимальная целостность человека, важнейшим выражением которой является совпадение долга и влечения, о чем писал Сергей Леонидович. Здесь человек становится индивидуальностью, в том смысле, какой придавал этому слову Б.Г. Ананьев.

Борис Герасимович Ананьев выступил с проектом новой науки о целостном психобиосоциальном развитии, которую назвал «онтопсихология»*. Онтопсихология, по Ананьеву, есть психологическое ис-

* Происхождение термина «онтопсихология» Н.А. Рыбников приписывает немецкому психологу, исследователю психологии пола О. Вайнинггеру. Сам Рыбников тоже использовал его в работах, посвященных обоснованию

следование бытия человека, которое включает тесно переплетенные линии развития – природный онтогенез индивида и социально-исторический жизненный путь личности. Для онтопсихологии характерен всевозрастной охват индивидуального развития человека в полном его жизненном цикле. Онтопсихология – наука о возрастных изменениях, опосредованных личностью. Поэтому она интегрирует возрастную и дифференциальную психологию (здесь: психологию личности). Практические приложения становящейся онтопсихологии Б. Г. Ананьев связывал в первую очередь с развитием педагогической антропологии в духе К. Д. Ушинского[†].

Антропологический принцип, принятый Ананьевым, указывает на зависимость явлений субъективного мира от структуры личности. В этой структуре свое место находят и психические образования (характер, способности, потребности). Для самой личности ее собственная структура выступает как объективная реальность, данность, с которой приходится считаться, испытывать ее сопротивление или все же пытаться ее (то есть себя) переделать, ставя цель саморазвития.

Путь саморазвития лежит через преодоление, а точнее – овладения своей старой структурой и последующее ее преобразование. Это означает, что помимо объективного, структурного, способа антропологической детерминации, существует иной, субъективный, точнее, субъектный. Человек выступает при этом в качестве сознательного субъекта. Он не просто «преломляет» воздействующие условия среды, избирательно к ним относится, но гораздо более активно с ними взаимодействует, сознательно планирует, программирует, реализует свою жизнедеятельность в определенных обстоятельствах места и времени жизни, так сказать, в биографическом хронотопе.

Стратегия большинства конкретно-психологических исследований Ананьева предполагала продвижение к высшим уровням бытия снизу вверх, начиная от природных его основ[†]. По-видимому, роль генетичес-

---

биографического метода. Кроме того, независимо от них этот термин предложил, как считал А. Маслоу, один из представителей гуманистической психологии Э. Сугич. К сожалению, впоследствии этот термин был присвоен А. Менегетти. Ананьевская концепция онтопсихологии, заявленная в 1960-е годы, почти не известна психологическому сообществу.

* В последние годы жизни он написал серию статей по педагогической антропологии, в которых представил свой проект этой синтетической науки (Ананьев, 2007).

† Хронологически, однако, первыми крупными исследованиями у Б. Г. Ананьева явились характерологические. В тридцатых–сороковых годах он наметил контуры *биографической психологии*, где история личности рассматривается на фоне и в связи с историей современности, где сама личность выступает как субъект своей жизни, а потому и собственного развития. Характерологические исследования высветили феномен индивидуальности, в котором характер является определяющим качеством.

кого фактора в развитии личности гораздо значительнее, чем думали многие советские психологи. Для Б. Г. Ананьева во все времена была характерна позиция защиты природного начала в человеке (это обычно имеют в виду, когда говорят об антропологизме), понимание ее историчности и единства с социальными и психосоциальными элементами в структуре личности. По законам онтогенеза происходит созревание и старение психофизиологических функций, интегрированных в задатках, органических потребностях, темпераменте. Однако онтогенез индивида опосредован его жизнью в конкретную историческую эпоху, в тех или иных условиях социальной среды.

Для Ананьева отношение между физическим, душевным и духовным – это отношение между различными уровнями развития. Он указывал, что «история личности и субъекта деятельности разворачивается в реальном пространстве и времени онтогенеза и в известной степени ими определяется» (Ананьев, 1968, с. 162). В структуре развития человека социально-историческая детерминация распространяется и на глубокие слои его личности, в том числе нервно-психические функции. Сама природа человека социально-исторична, но все же это – природа, как не раз напоминал Борис Герасимович.

Генетически запрограммированный онтогенез наряду с жизненным путем определяет общую структуру жизненного цикла и может иметь судьбоносное значение. Так, свои жизненные планы и стремления личность волей-неволей соотносит с возрастом и своими физическими и психофизическими возможностями. Биографический смысл имеет каждый возраст: есть время, наиболее благоприятное для учения, общения, труда, карьеры, устройства семьи, и его нельзя упустить. Действительно, есть «время жить и время умирать».

Если онтогенез изначально задан генетической программой, то жизненный путь личности определяется двумя взаимосвязанными программами. Во-первых, социальной программой, которая более или менее обязательна для всех членов определенного общества в определенную историческую эпоху. Это программа социализации индивида, которая нацелена на формирование структуры личности и субъекта деятельности, чтобы индивид стал дееспособным и ответственным членом общества.

Процесс социализации особенно интенсивно протекает в фазе становления личности, то есть в детстве, отрочестве и юности. Но и позже он не прекращается, так что человек приобретает новые свойства соответственно новым требованиям в труде (переквалификация, например), в общении (освоение новых правил этикета, технических средств общения, ценностей общения), в познании (знакомство с новыми научными открытиями, изобретениями, новинками литературы и всех видов искусства). Ему приходится подстраиваться также к новым требованиям, запросам, ожиданиям исторической эпохи в общественных

отношениях (политике, нравах, моде). Без перманентной социализации личность отстает от жизни.

Процесс социализации невозможен без усвоения человеком культуры, разного рода знаний общеобразовательного и профессионального характера и умений, навыков, процедур и алгоритмов поведения и деятельности. Как подчеркивал Б. Г. Ананьев, механизм усвоения, а значит, научения, в полной мере действует в процессе социализации и служит развитию личности, точнее, социально-типичного в ней.

Накопление, структурирование того, что усвоено из фонда культуры человечества, народа, класса, социальной группы, является составной частью процесса развития личности. Эта сторона развития наиболее изучена в психологии в связи с интериоризацией. Нередко фактически к ней сводят развитие личности, что неудивительно, если моделью развития служит детство. Именно в детстве процесс социализации идет наиболее интенсивно, а учение, назначение которого состоит в усвоении культуры, считается ведущей деятельностью.

Итак, социализация – один из способов развития на жизненном пути. В основе развития при этом лежат механизмы социального научения, обеспечивающие усвоение культуры. Есть и другой, взаимосвязанный с первым, способ, который реализуется вместе с ним, – индивидуализация. В нем Ананьев видел одно из направлений влияния биографии на онтогенетическую эволюцию. «<...> Возрастная изменчивость все более опосредуется индивидуальной изменчивостью. Значение индивидуально-типических особенностей человека увеличивается в средние и поздние фазы человеческой жизни. Характерологические особенности, специальные способности и уровень общей одаренности влияют на то или иное направление развития жизнедеятельности человека и на его свойства (жизнеспособность, работоспособность, трудоспособность)» (Ананьев, 1968, с. 165).

Индивидуализация связана не столько с интериоризацией, сколько с экстериоризацией, самореализацией накопленных потенциалов личности в ее созидательной деятельности. Экстериоризация более свойственна взрослым людям и преимущественно связана с их трудовой деятельностью, творчеством, созиданием.

Индивидуализация обусловлена личностной программой жизненного пути и ее реализацией самой личностью в неповторимом сочетании всех обстоятельств жизни с поступками и переживаниями конкретной личности. Создание этой программы зависит от развитости личности, ее способностей. Самостоятельность личности и ее относительная независимость от обстоятельств – признак личности высокого уровня, признак сильного характера на основе твердых убеждений, принципов жизни.

В планах лаборатории Б. Г. Ананьева ставился вопрос о соотношении интеллекта и личности в общей структуре индивидуальности. Это вполне правомерно, поскольку интеллектуальные способности

составляют механизм жизненных способностей субъекта жизни – его биографического мышления, включая способность проектирования жизненного пути, биографической памяти, биографического воображения, если можно так сказать о предвидении своего будущего, мечте и цели жизни. Вместе с речью-повествованием, внутренней речью эти способности обеспечивают работу сознания и самосознания, продуктом которой является концепция собственной жизни в целом, генетический аналог Я-концепции.

К жизненным способностям относятся и аффективно-волевые качества личности, без которых ее проекты и программы останутся идеальными конструкциями ума и не более того. Развитая эмоциональность, нравственные и эстетические, мировоззренческие чувства наряду с пониманием долга глубоко мотивируют социальную жизнедеятельность людей, служат источником их стойкости в жизненных испытаниях.

Индивидуализация личности имеет разные эффекты и проявления. Это и индивидуальный стиль деятельности в труде, общении и познании, и собственные мировоззрение, картина мира, философия жизни. Это самобытный характер и талант, а в целом – индивидуальность. В отличие от природного индивида, который тоже индивидуален в силу уникальности генетической программы, в результате процесса индивидуализации складывается вторичная (личностная) индивидуальность. Каждый элемент ее структуры представляет собой сплав социально-типичного (результат социализации) и индивидуально-своеобразного (результат индивидуализации).

Если социализация по сути есть адаптация личности к требованиям общества и исторической эпохи, то индивидуализация имеет противоположный смысл – самоутверждение, иногда вопреки требованиям и правилам современного человеку общества. Самоутверждение, в широком смысле слова, и есть индивидуализация, становление самим собой, а не просто социальным индивидом, функционером социальной структуры, одним из многих в ряду своих современников и сверстников.

Индивидуализация на уровне личности характеризуется сознательной избирательностью личности по отношению к условиям и воздействиям социальной среды, выработкой ею своей позиции в окружающем мире. Эти отношения и позиции закрепляются в структуре направленности в виде взглядов и мировоззрения, убеждений и жизненной философии.

Личностное развитие зависит от образа и способа жизни. Оно может происходить как побочный, непреднамеренный продукт социальной жизнедеятельности на жизненном пути. Развитие здесь – следствие определенных обстоятельств, в которых живет человек и которые он сам создает, не задумываясь о личностных последствиях. В этих обстоятельствах человек как бы помимо воли усваивает определенный

образ жизни и, повседневно практикуя его, укрепляет определенные нравственные привычки, переходящие в черты характера. К характерным привычкам Ананьев относит вкусы и привязанности. Но в широком смысле слова любая черта характера есть привычка личности чувствовать, думать, действовать, относиться к тем или иным явлениям действительности и самой себе определенным, характерным образом. С этой точки зрения жизненный путь выступает как процесс накопления характерных привычек, характера в целом, создание опыта мужества или, напротив, малодушия, опыта бескорыстия, самоотверженности или эгоизма, шкурничества, и т. д. Важно подчеркнуть, что в теории Б. Г. Ананьева и в теории С. Л. Рубинштейна первостепенное значение придается не формальной, а содержательной стороне характера и отдельных черт, связанной с направленностью личности.

В жизненном пути есть и другая составляющая – история субъекта и его способностей. Ананьев на первое место ставил трудовую деятельность, видя в ней главную созидательную силу человека. У каждой личности есть своя история общения и познания на жизненном пути. Первая отражена в возрастной динамике круга общения личности, в характере значимых для нее людей в разные фазы и моменты жизни. Вторая – в возрастной динамике творческой продуктивности (например, у ученых)*.

Вместе с биографическими происходят возрастные, онтогенетические изменения индивидуальной организации. Если образ жизни личности как бы подстраивается к ним, то эффекты развития суммируются. Так, начало трудовой деятельности будет значительнее для последующего развития, если оно произойдет в молодости, когда все психофизиологические функции индивида находятся на подъеме. Тогда мы наблюдаем повышенную «энергию старта», благотворную для последующих фаз развития. Ананьев рассматривает и другой вариант конвергентного развития, когда в позднем возрасте естественное угасание психофизиологических функций ускоряется выключением личности из многих значимых социальных связей, прекращением активных занятий, особенно трудовых.

Образ жизни личности может противоречить, не соответствовать возрастной тенденции, причем это несоответствие имеет как положительные, так и отрицательные последствия. В положительном случае мы имеем явление, которое Ананьев назвал дивергентным типом развития, относя его к поздним фазам жизненного пути. При дивергентном развитии естественному снижению уровня психофизиологических функций индивида в старости противостоят операциональные и мотивационные механизмы психических процессов, накопленные в процессах активной деятельности и социального поведения в предыдущих

фазах жизни. От степени их развития зависит сила противостояния старению психофизиологических функций и сохранение высокого уровня психических процессов, а в целом – сохранности личности и производительности ее жизни.

Логично предположить, что в молодости бывает и негативный дивергентный тип развития, когда полный сил человек пассивен и не использует своих возрастных преимуществ, чтобы достичь высоких результатов в социальной жизнедеятельности и в собственном развитии.

Указанные закономерности были обнаружены на обширном эмпирическом материале, полученном в лаборатории Б. Г. Ананьева (см. исследования М. Д. Александровой, М. Д. Дворяшиной, Л. Н. Кулешовой, Е. Ф. Рыбалко и др.).

Индивидуальное развитие в теории Ананьева выступает как сложная диахроническая целостность. Ананьев подобно естествоиспытателю изучает механизмы обеспечения целостности человека и его развития. По его мнению, таковыми механизмами являются корреляционные связи между элементами структуры человека. «В процессе индивидуального развития, благодаря корреляционным объединениям разных органов и функциональных систем, происходит своего рода передача, переброс преобразований от одних функций к другим, сопряженные изменения многих видов... Внешняя среда, отражаемая посредством этих функций, выступает как важнейший определитель целесообразности коррелятивных связей в структуре самого развития» (Ананьев и др., 1968, с. 23).

По Ананьеву, многообразие гомогенных и гетерогенных корреляционных связей опосредует все воздействия на человека (и его самого на себя) и обеспечивает целостность развитию, в структуре которого взаимодействуют линии развития физического, умственного, нравственного, эстетического. Можно думать, что эти же связи обеспечивают жизнестойкость личности (ее духовные силы, по Рубинштейну).

Существуют объективные законы перехода в процессах функционирования и развития индивидуальности от психофизиологических функций мозга к психическим (душевному), а затем и психоидеологическим (духовным) явлениям, от исходных мозговых функций к полной структуре личности-индивидуальности. При этом все нижележащие уровни сохраняются и преобразуются в составе более высоких и поздних структур. Так, темперамент входит в структуру характера и теряет свою самостоятельную регулирующую функцию, задатки входят в структуру способностей. Однако абсолютного подчинения низшего высшему все же не происходит. Ананьев полагал, что есть не только иерархические, но и паритетные отношения в структуре человека. Кроме того, мера подчинения низших уровней высшим различается у разных людей и может меняться в зависимости от конкретной жизненной ситуации.

* Б. Г. Ананьев опирался на данные известных биографических исследований Х. Лемана и другие работы подобного характера (Lehman, 1953).

На объективных законах главным образом были сосредоточены все онтопсихологические исследования Ананьева. К таким законам относится целостная психобиосоциальная структура самого развития как цепь корреляций между многими нейропсихическими функциями, процессами, состояниями и свойствами личности, в более общем виде – как переплетение природного онтогенеза и социально-исторического жизненного пути личности. Он изучал конкретные проявления этих законов в явлениях возрастной сенситивности, дивергентного типа развития, двухфазности в развитии каждой психофизиологической функции.

Двухфазность состоит в том, что в молодости функция достигает своего пика в фазе созревания в определенных условиях воспитания и жизни в целом, а в поздние возраста мы имеем дело с новым оптимумом иной природы. Вторая фаза и соответственно второй пик – результат активной профессиональной деятельности субъекта на фоне снижения других, не включенных или менее включенных в эту деятельность функций. Именно вторая, специализированная фаза связана с достижением мастерства субъекта деятельности, а не просто психофизиологической зрелости индивида.

Одним из объективных законов является наличие качественных ступеней, фаз развития. Ананьев не считал возможным «априори формулировать какие-либо принципы периодизации и датировать границы между периодами без опытных данных, недостаток которых сказался роковым образом на произвольности всех известных периодизаций» (Ананьев, 1972, с. 13). Он ставил перед своими сотрудниками задачу восполнить пробелы в знаниях о возрастной динамике человека и особенно взрослых. Общеизвестно, что Ананьев явился основателем психологической акмеологии в нашей стране.

Ананьев был уверен, что есть общие законы развития при всем многообразии жизненных путей разных людей. Поэтому необходимо изучать это общее и даже собрать «биографическую статистику» – массовые данные о структурных элементах жизненного пути современников и сверстников. Это позволило бы сопоставлять жизненные структуры разных поколений людей и таким образом выявлять зависимости жизненного пути каждого человека от исторического времени, эпохи. Кроме того, и в биографической психологии есть потребность в неких стандартах, вернее, знании типичных жизненных структур, с которыми можно было бы сравнивать индивидуальные жизненные пути конкретных личностей соответствующей исторической эпохи. Такая необходимость возникает при диагностике индивидуальности конкретных людей, при интерпретации факторов ее развития. Так было в упомянутых выше комплексных исследованиях под руководством Ананьева. Тогда же, в 1960–1970-х годах, в его лаборатории предпринимались попытки синтеза индивидуальности на основе экспериментальных и биографических данных о ней.

Вехами индивидуальной биографии являются уникальные события неповторимой жизни, а значит, жизненный путь содержит наряду с общими фазами – личные, уникальные. На пути к пониманию закономерностей индивидуальной жизни исследователь проходит этап типологизации биографий. Универсальную типологию жизненного пути, как и единую типологию личности, трудно представить. Но варианты типологий вполне возможны. Их характер зависит от целесообразности, конкретных задач исследования. При любой типологии необходимо и возможно давать оценку жизненного пути личности с точки зрения ее развития, а это требует определенных общих критериев. Некоторые критерии этого развития обозначены в трудах С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева.

Здесь мы находим аксиологический, ценностный критерий. Он подразумевает не только наличие ценностей в жизни личности, но и их особый характер. Не всякая ценность, цель и смысл жизни достойны человека, а те, которые не противоречат его истинной, родовой сущности и в то же время его индивидуальности, вернее, лучшему в ней. Ананьев выделил три основных вида деятельности, свойственных родовому человеку, – труд, общение и познание. Им соответствуют базовые общечеловеческие потребности – в труде, познании и общении. Жизненный путь не может считаться оптимальным с точки зрения психологии развития без наличия в его составе этих деятельностей и реализации в них соответствующих потребностей.

Соотнося свои жизненные решения и поступки с ценностями, человек осознает их смысл. Всякие ли ценности адекватны счастливой и производительной жизнедеятельности? Этот вопрос выходит за рамки психологии, но психология не может избежать его и здесь пересекается с философией (с философской антропологией, аксиологией и этикой особенно). Современная психология личности обращается к содержательной стороне мотивов и целей человека, за которыми стоят его ценности и вместе с тем их психологическая форма – потребности. Гуманистические ценности сопряжены человеку и потому положительно влияют на развитие личности. В духе Ананьева можно это объяснить тем, что гуманность в отношениях людей соответствует родовой потребности человека в человеке, в общении с людьми. Столь же значимы ценности труда и познания, без удовлетворения которых человек стремительно деградирует.

Другим критерием развития личности является полнота ее жизни и, соответственно, полнота ее характера – активное включение личности в большое количество отношений к миру, ко многим сторонам бытия. Как писал С. Л. Рубинштейн, личность тем значительнее, чем больше в ней пристрастности, «партийности». Важно, что высокоразвитая личность определяет отношение к тому, что далеко выходит за пределы ее непосредственного жизненного пространства, к абстрактным предметам – Вселенной, добру, истине, прекрасному. Субъективно

полнота жизни переживается при условии не только ее многообразия, но при условии активного включения во множество жизненных отношений – силы жизни.

Сила жизни, энергетическая ее характеристика, проявляется в высокой степени вовлеченности личности в трудные дела, занятия, обязанности, требующие большой самоотдачи. Б. Г. Ананьев доказывал, что в условиях постоянной практической деятельности под постоянной оптимальной (а не только посильной) нагрузкой психофизиологические функции проявляют свой истинный потенциал. То же можно сказать о любой способности и черте характера.

Какова мера нагрузок, которая полезна для развития? Этот вопрос Ананьев решал на модели интеллектуального напряжения, выдвинув понятие его психофизиологической цены. В экспериментах его сотрудников были сделаны попытки найти параметры такого интеллектуального напряжения, которое не только приносит успех в интеллектуальной деятельности, но и способствует положительным сдвигам в развитии интеллекта и личности. Предполагалось также, что чрезмерная цена интеллектуального напряжения означает истощение функций и ведет к спаду в развитии интеллекта. В худших случаях последствием может быть невроз, затрагивающий уже адаптационные механизмы личности. Вполне допустимо, что по такой же логике действует фактор цены при волевом, эмоциональном, в общем, личностно-нравственном напряжении, столь характерном для нравственных поступков.

При известной полноте, многомерности жизнь должна быть цельной, направленной к целям и потому интегрированной. «Цельность человека и определяющая ее структура характера проявляется, прежде всего, в обладании целями, в осознании этих целей жизни, в осуществлении их на практике. Отсутствие цели делает жизнь разбросанной, когда человек хватается за разные дела, не выделяя главного. Он упускает время для выполнения дела жизни и вместе с тем – самоосуществления. Человек, который открыл свое призвание и последовал ему, имеет большие возможности для высокой производительности жизненного пути и саморазвития.

По временному критерию жизненный путь оптимален, если в нем присутствуют три временных модуса – прошлое, настоящее и будущее. Их психологическими формами являются автобиографическая память, восприятие и понимание актуального момента жизни (включая анализ жизненных ситуаций, расстановки сил в них), мечты, предвидение, программирование собственного будущего.

Не в меньшей степени зрелость личности связана с качеством своевременности ее жизненных действий на жизненном пути. В школе С. Л. Рубинштейна этим вопросом много занималась К. А. Абульханова и ее сотрудники. Они теоретически и эмпирически выделили типы организации личностного времени и нашли их психологические корреляты. Высший тип как раз и характеризуется своевременностью,

способностью управлять собственной жизнью в согласии с ее временными закономерностями.

В трудах Б. Г. Ананьева своевременность как свойство субъекта жизни рассматривалось в трех планах. Во-первых, в плане психологии личности – объекта и субъекта мировой истории. Ананьев писал о чувстве истории, то есть адекватном отражении объективного исторического процесса и его судьбоносных моментов, об умении строить собственную жизненную стратегию в заданных обстоятельствах исторической эпохи. Ананьев ценил в личности способность осознавать себя в большом масштабе – как современника эпохи и сверстника поколения. Осознание своей неразрывной связи с судьбой страны и судьбой поколения – источник силы, жизнестойкости личности. Размышляя о Достоевском, Борис Герасимович особо отметил способность этой великой личности к обновлению на каждом новом этапе современной ему России. Изменение личности по ее чувству истории – вовсе не конформизм ради выживания любой ценой. Личность высокого уровня – индивидуальность – обладает способностью изменяться, не изменяя себе, своим главным принципам жизни.

Во-вторых, своевременность рассматривается в связи с чувствительными периодами развития. В них происходит наивысший подъем способностей, а структура индивидуальности обладает высокой отзывчивостью на внешние воздействия, в том числе воспитательные. Принцип природосообразности воспитания, конкретизирующий антропологический, требует приурочивания педагогических воздействий к тем или иным чувствительным периодам, потому что в этих периодах и моментах обучение и воспитание не только наиболее легко, но и наиболее полезно для развития способностей и характера. Как полагал Ананьев, моменты чувствительности возможны не только в ранних фазах, но и в зрелости и даже позже.

В-третьих, мы усматриваем у Бориса Герасимовича представление о своевременности как чувстве возраста. Он сам соотносил собственные жизненные решения, выборы и планы с оставшимся запасом времени активной жизни и с надеждой на продолжение дела последователями. Такая надежда невозможна без осознания правоты своего дела, его значимости для той сферы общественной жизни, в которой трудился этот человек, или для его собственных потомков.

Теории С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева обладают далеко еще не исчерпанным творческим потенциалом и ждут своего дальнейшего развития. Для этого нужны новые психобиографические исследования психического развития личности на всем протяжении жизни. Но еще более актуальны онтопсихологические исследования, сосредоточенные на законах развития человека как психобиосоциальной целостности, законах взаимовлияния жизненного пути и онтогенеза в общей структуре жизненного цикла индивидуальности. Мы убеждены, что в этом состоит главное направление психологии развития в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Ананьев Б. Г. К изучению возрастных особенностей взрослых людей // Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1972.
- Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности. СПб., 2007.
- Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., 1968.
- Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
- Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития. СПб., 2003.
- Онтопсихология: Учебное пособие / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2003.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя взрослость) / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1977.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1972.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
- Lehman H. C. Age and Achievement. Princeton, New Jersey, 1953.

БЛУЖДЕНИЕ В ТРЕХ СОСНАХ, ИЛИ ТОСКА ПО ЛИЧНОСТИ

В. П. Зинченко

Психология, несомненно, относится к циклу наук о человеке, хотя слово «человек» в психологических текстах встречается нечасто. Особенно в сравнении со словами «субъект», «индивид», «личность». В этом нет большой беды, когда слова употребляются на своем месте, в уместном контексте, что, к сожалению, бывает далеко не всегда. В последние десятилетия из вышеобозначенной триады на первый план выходит слово «субъект», а слова «индивид» и «личность», «Я» оказываются в его тени. Возможно, ощущая некоторый когнитивный диссонанс, ряд авторов, не определяя члены пар или триад, образуют из них синкреты, якобы проясняющие предмет их размышлений или исследований. Подобных словосочетаний множество: «личностный субъект», «субъектность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида», «индивидуальность личности как субъекта» жизни, познания, чувства и т. п. На этом фоне значительно понятнее звучат, видимо, не без иронии и шарма предложенные термины: В. С. Библер – «многояйность», М. Пруст – «роистое Я», В. А. Петровский – «единомножие Я». Мне трудно судить о мотивах образования подобных странных синкретов. Может быть причиной является опять-таки ошутимая авторами несамодостаточность каждого отдельного члена этой триады. Чтобы ее компенсировать, идут не по трудному пути превращения слова в понятие, а по пути как бы разъясняющего дополнения одного слова другим. Второй путь, на мой взгляд, лишь затрудняет понимание, так как за каждым членом триады тянется шлейф его культурных значений и смыслов, скрытых во внутренней форме соответствующего слова. Не претендуя на ее исчерпывающее раскрытие, попытаюсь выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом я буду опираться на более ранние культурные традиции их понимания и использования.